

Федосеенко Марина,
студентка 1 курса направления подготовки
«Реклама и связи с общественностью»
Новороссийского филиала
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
2023 г.

У каждого человека своя судьба. Случается, что на долю одних выпадают такие испытания, которых хватило бы на несколько жизней... В моих руках пожелтевшее от времени письмо-воспоминание прадеда, адресованное жене, бережно хранящееся в нашей семье, как драгоценная реликвия...

«Я, Кракопов Степан Владимирович, хочу рассказать о своей жизни. Много повидал я на своем веку. Частенько не спится мне по ночам - ноют старые раны. Снова и снова память возвращает меня в страшные дни лета 1942 года.

1 июля 1942 год. Севастополь. Казачья бухта. Отчаянно защищая последнюю надежду на спасение, на этот клочок земли отошли уцелевшие бойцы нашей 25-той стрелковой чапаевской дивизии. Шел тяжелый бой. Последнее, что осталось в моей памяти, был душераздирающий визг бомбы. А дальше - холодная темнота... Я очнулся. Резко жгло ноги, особенно - правую. Попытался пошевелиться - ничего не получилось... Я снова потерял сознание... «Батя, батя, очнись!» - чей-то голос вернул меня назад. Я увидел, что уже наступила ночь, а я перевязан и лежу в развалинах, где раньше находился госпиталь. Двигаться я не мог. Тяжело дыша, смотрел я неподвижными глазами в темную высь над головой... Вдруг небо озарилось в стороне 35-той береговой батареи. Затем послышались один за другим два сильных взрыва такой силы, что мне еще не доводилось слышать. «Неужели взорвали 35-ую батарею?! Плохи дела», - пронеслось в голове, и поплыла у меня перед глазами вся моя жизнь...

1900 год. Маленький хутор под Ригой. Мне 8 лет. Мать, отец, брат и сестра. Мать зовет меня: «Стэфан, Стэфан!» В тот год я посадил березу у дома... Он памятен мне этот год... Рубеж веков...

1913 год. Первая мировая война докатилась до Риги, где мы с другом были на заработках. Нас мобилизовали и отправили на фронт. Там мне впервые довелось воевать с проклятыми немцами.

Октябрь 1917 года. Нашу дивизию сняли с фронта, погрузили в эшелоны и отправили в Петроград для подавления восстания рабочих. По пути в эшелоне появились революционеры. Они агитировали нас, латышских стрелков, перейти на сторону восставших, и мы поддержали революцию. По прибытию в Петроград, мы заняли Дворцовую площадь. Позже, по сигналу крейсера «Аврора», штурмовали Зимний дворец. История творилась на моих глазах. Я был непосредственным участником революции.

1923 год. Благодатная Кубань. Позади служба в Первой Конной армии под командованием Семена Буденного. Разгром войск Деникина и Врангеля в

Крыму. Тянуло к земле-кормилице. Соскучился по крестьянскому труду. Когда в станице Новоджерелиевской образовался колхоз, меня назначили бригадиром в сад-бригаду. Здесь-то я и познакомился с моей Пашенькой Онисенко. Женился. Поставил хату. Родились две дочери...

1941 год. Началась Великая Отечественная война. Мне 49 лет. Многие из нашей станицы Новоджерелиевской ушли на фронт. А мы, оставшиеся, убирали урожай, кормили фронт... В декабре 1941 года призвали и меня. Двадцать пятая Краснознамённая ордена Ленина стрелковая дивизия имени В.И. Чапаева... И вот снова Крым. Отчаянная оборона Севастополя...

2 июля 1942 год. Севастополь. Казачья бухта... Коротка июльская ночь в Крыму... Вот и рассвет... Взору моему предстала страшная картина. Тысячи раненых в надежде на спасение... Прошли годы, но я и сейчас не могу передать ту огромную беду... Не было такого человека, который не обращал бы свой взор на море, но оно было лишь немым свидетелем страшного горя...

3 июля 1942 год. Палит нещадное крымское солнце. Пить... Пить... Пить... Немецкие самолеты снова и снова утюжат берег бухты... Нет боеприпасов... Тает надежда...

4 июля 1942 год. Ещё один тяжелый июльский день на исходе... Сохранилась в памяти одна деталь. Боевые знамёна нашей 25-той чапаевской дивизии - овеянные славой легендарных походов - топят на дне Чёрного моря, чтобы не достались фашистам. Боевые знамена... Надежда тает...

5 июля 1942 год. Рано утром, едва забрезжил рассвет, катеру удалось прорваться в бухту. Быстро начали грузить раненых. Меня вынесли на берег, но места не хватило. Перегруженный катер отплыл. Через несколько минут на моих глазах его разбомбили немцы... И я понял, что больше не увижу цветущие кубанские сады, зеленеющие поля и речку Кирпили. Свою Пашеньку и девчонок - Лидочку и Веру. Мне суждено остаться здесь на залитых кровью камнях Херсонесского полуострова...

Когда угасла последняя надежда, неожиданно появилась небольшая рыбацкая филюга. Её командира я буду помнить до конца своих дней. Это был мужичок небольшого росточка, который за крепким словцом в карман не лез. Он всех торопил, потому что хотел успеть спасти людей, пока фрицы не открыли огонь. Быстро загрузили раненых, и филюга тут же отплыла от берега. Это был последний транспорт, вывезший раненых из осаждённого Севастополя...

Мы благополучно добрались до Новороссийска, и я попал в госпиталь, не веря в свое чудесное спасение... А осаждённый Севастополь ещё две недели отчаянно сражался. Но силы были слишком неравны. Фашисты старались не брать пленных, особенно - моряков. Фрицы называли их «полосатыми дьяволами» и «черной смертью» за их отчаянность и бесстрашие. Фашисты расстреливали обессиленных защитников города из орудий. Жалея боеприпасы, немцы сбрасывали с самолетов на бойцов металлические предметы, зная, как скучены люди на плацдарме. Чудовищное зверство!.. В этой бойне свыше 100 тысяч человек навеки остались в севастопольской земле. Почти столько же попало в плен. Каждый третий был ранен...

Август 1942 года. Кубань. Станица Новоджерелиевская. Прасковья Наумовна забрала меня домой из госпиталя, когда я пошёл на поправку. А вскоре в станицу вошли немцы. Меня сразу же арестовали...

Февраль 1943 года. Кубань. После тяжелых боев наши войска освободили станицу Новоджерелиевскую. Мы вернулись в свою хату. Стемнело. Вдруг раздался стук в дверь. Все замерли. Прасковья Наумовна открыла дверь. На пороге стоял высокий худой измученный командир-красноармеец. Он спросил меня.

- Отец, помоги. У нас обоз со снарядами. Нам нужно в Степную. Проведи полями, - попросил незнакомец.

Я повел. Это были поля моей бригады, и я хорошо знал эти места. Нам удалось скрытно добраться до станицы Степной. Там у немцев был хорошо укрепленный район. За станицу Степную шли тяжёлые кровопролитные бои, и этот обоз с оружием очень ждали»...

На этом письмо обрывается, но я знаю, что в конце февраля 1943 года мой прапрадед Степан был снова призван в армию и до конца войны занимался восстановлением железнодорожных мостов на родной Кубани. После войны Степан работал в колхозе. Помогал дочерям, растил внуков. Со своей женой Пашей они жили очень дружно. Когда она умерла (1969 г.), то Степан очень тосковал. Через год в мае 1970 года его не стало...

После войны по переписке Степан разыскал в Латвии своих родных брата и сестру. Сообщил им, что жив. Но на родину смог поехать лишь в конце 60-х годов уже перед смертью. Встретился со своими братом и сестрой, а они узнали своего Стэфана.

Сохранился и родной дом, где вырос Степан. Интересно, что в юные годы Степан посадил березу около дома. Она выросла. Перед уходом из дома в Ригу в 1913 году Степан водрузил наверху дерева между ветвей колесо от телеги. Его облюбовали аисты и сделали там гнездо.

Спустя полвека, когда Степан вернулся в родной дом, он увидел свою березу, а наверху гнездо аистов...

Вот такая интересная судьба у моего прапрадеда – «латышского казака» - Степана Владимировича Кракопова, для которого Кубань стала второй Родиной. Эти рассказы о нем бережно хранятся и передаются из поколения в поколение в нашей семье. Я узнала эту историю от своей бабушки Зои - внучки прапрадеда Степана.

Я прижимаю к сердцу заветный конверт и вспоминаю, как мы с мамой побывали в Севастополе на 35-той береговой батарее и в Казачьей бухте. Спустя почти 80 лет мы, потомки прапрадеда Степана, прошли по местам тех страшных боев. В окопном парке, глядя на выжженную солнцем каменистую землю, щедро политую кровью последних защитников Севастополя, я была потрясена теми испытаниями, которые довелось испытать нашим бойцам...

В часовне во имя Архистратига Михаила мы с мамой поставили свечи за упокой погибших защитников Севастополя, среди которых и другой мой прапрадед, тоже кубанец - Артёменко Михаил Иванович. Его имя увековечено в Пантеоне памяти среди свыше сорока тысяч других имен...

Тихо оплывал воск свечей... Звучала молитва... И вдруг в вышине под куполом часовни зачирикала птичка, словно чья-то душа взывала к нам, потомкам. «Помните! Через века, через года - помните! О тех, кто уже не придет никогда, - помните!... Какою ценой завоевано счастье, - пожалуйста, помните!»... Обнявшись, мы с мамой плакали... Я на всю жизнь запомнила эти минуты и поняла, что наши близкие живы, пока мы их помним. И я расскажу своим детям о той страшной войне, великом подвиге и огромных страданиях наших людей. Время не властно над памятью, и подвиг, совершенный нашими прапрадедами, не имеет срока давности. Они подарили нам МИР. Вечная им память...

